

У Бога на ладони

А рождённый летать, не согласен ползти,

Не умеет лежать.

Бог катает меня в своей теплой горсти -

Все пытается сжать.

Мои кости стальные и закален хребет -

Оцарапал ладонь.

Он смеётся: не смог нанести тебе вред!

Ай, да крепкая бронь!

И зажав между пальцев, на ладонь посадив,

Меня вдаль отшвырнет.

Но вдохнув глубоко, два крыла распустив,

Я отправлюсь в полет.

Игра

Литовку – в угол, плащ - на спинку стула.

И скинув с ног два острых каблука,

Она колоду карт мне протянула:

«Давай-ка, пару партий в дурака?»».

И мы игру с ней начали под кофе,
И дама пик частенько на руках.
Она играет, как картежный профи,
Держа меня всё время в дураках.

«Давай, мы ставки сделаем с тобою.
Но что поставишь, мне не говори!
А что поставлю я, то тоже скрою.
Поставила? Погнали: раз-два-три!».

Я захожу с козырных, она бьётся,
Кидает даму, короля - я отбиваю.
Она так искренне и весело смеётся,
Сдаётся мне, я снова проиграю...

Конец игры. Взглянула на литовку
И хмуро мне сказала: «Ну, держись!»
Я карту бью, она мне: «Ах, чертовка!
С победой, милая, ты выиграла жизнь!»

Просто

Мои на осень планы – просто жить.
К каким-то достижениям нет стремленья.
Проснуться утром, чай себе налить,
И просто пить его с густым вареньем.

Идти и просто листьями шуршать.
Пусть на гарнир - обычные спагетти.
В субботу до обеда просто спать.
Глядеть в окно, как там играют дети.

Вязать носки, смотреть вдвоём кино.
Бродить по парку, просто улыбаться.
С подругой, что не виделись давно,
В кафешке - просто кофе и обняться.

Так хочется без планов и стремлений

Извечный бег по кругу отключить.

Без титулов, регалий, достижений,

Быть просто человеком, просто жить.

Просто жизнь

Девочке пять, она верит в Деда Мороза и гномов.

И примеряет мамины туфли красного цвета.

С мамой рифмует слова (кроме слова «обувь»)

А мама смеётся - она тоже не знает ответа.

Девочке семь. Она любит учиться, но часто болеет ангиной.

Сочиняет стихи по ночам, а утром диктует их маме.

Меряет мамины бусы и туфли цвета малины.

Любит клубнику и мяту. И пирожки с грибами.

Девочке десять, она впервые влюбилась! (в Борю)

Он угощает её жвачкой и носит портфель до дома.

Именно в десять случилось первое горе:

Бабушка заболела и впала в какую-то кому.

Девчонке пятнадцать, она носит короткие юбки и яркие губы.

Бабушки нет, она умерла и без бабушки очень грустно.

Мама и папа теперь в разводе. Он стал очень грубым,

А мама частенько плачет и больше не носит бусы.

Девушке двадцать. Малыш на руках улыбается и не плачет.

Девушка варит борщи и встречает мужа с работы.

Недавно купила классные красные туфли и платье,

Только ещё не носила - накрыли другие заботы...

Девушке двадцать пять, она носит бусы и любит читать романы,

Ездит к маме на дачу, чтоб помочь посадить ей картошку.

Дочка ходит по дому в красных красивых туфлях своей мамы,

Любит про Золушку сказку и напевает «Антошку».

Женщине тридцать, она искренне верует в Бога и часто читает молитву.

Носит красивое платье и в тон ему туфли красного цвета.

С дочкой рифмуют слова (к слову «обувь» так и не может придумать рифму)

А дочка смеётся, что мама не знает такого простого ответа.

Женщине сорок с плюсом, а дочери двадцать.

Ездили вместе на дачу к маме сажать картошку...

Дочка купила платье, и туфли, и бусы, но синего цвета...

А сына решила назвать, как папу - Серёжкой.

Простой сюжет

Мы сидели с ним в баре за рюмочкой кофе,

Он известный поэт, но не пишет давно.

В поэтическом мире он признанный профи,

Ну а в жизни он просто гражданин Иванов.

Я ему говорю: «Почему ты не пишешь?

Ведь такие стихи, пропадает твой дар!»

Ну а он отвечает: «Засада, Ириша,

Но мне кажется, будто про все написал»

Я ему говорю: «Иванов, вот ты странный!

А про небо писал?», отвечает: «Писал!»

«А писал про рассветы, дожди и туманы?»

Но на все варианты он «да» отвечал.

Я ему говорю: «Вот, Серега, послушай!

Ты представь себе гипотетически,

Что кассирша Татьяна из местного суши

Тебе стала героем лирическим»

«Ну, придумаешь тоже - кассирша Таня...

Что за бред ты, Иринка, сейчас несешь?

Ты придумай ещё, чтоб стихи написал я,

Как живет в теплотрасе вонючий бомж»

«Интересно, а чем тебе бомж не нравится?

Вот представь, что когда-то он был олигарх:

Дом огромный, машина, жена красавица,

И любил он ее, и носил на руках...

А потом как-то так разорился, потратился,

Что на весь капитал наложили арест.

И с другим убежала жена развратница,
Дом сгорел и машина - такой вот замес!»

«Да, Ириша, нашла ты свободные уши,
Но не нравится что-то сюжет про бомжа.
Лучше Таня, кассирша из местного суши!
Я надеюсь, она хоть собой хороша?»

«А у Тани там, знаешь, совсем все банально:
Муж алкаш. Она любит его, хоть тресни»
«Нет, Ириш, не напишешь тут оригинально,
Разве будет кому-то читать интересно?»

«А про что интересно, скажи мне, Серега?
Вот про что бы ты сам захотел прочитать?
Про туманы, деревья, дожди и дорогу?
Людам лучше про них же самих рассказать!

И в Татьяне бы кто-то увидел себя,
И в бомже том замызганном тоже.
Про рассветы, конечно попроще писать,
Только как это людам поможет?

Тут с тобою болтаем уже мы давно,
И я решила, чисто гипотетически,
Что может прекрасный поэт Иванов
Для меня стать героем лирическим.

Расскажу я в стихах как поэт Иванов
Не хотел сочинять про Татьяну
И что легче ему сочинять про орлов,
Про деревья, рассвет и туманы»

Иванов засмеялся: «Какой это бред,
Про такое стихов же не пишут!
Вдохновение, рифму и клёвый сюжет
В разговорах простых не ищут...»

Брови сдвинул поэт, по столу постучал,
Он, похоже, всерьез разозлился.
Рюмку хлопнул, задумчиво так помолчал,
А потом в пустоте растворился...

В этот миг я очнулась на кухне родной
Ни Сереги, ни бара, ни кофе...
Только в мыслях моих был поэт Иванов,

Средь поэтов что признанный профи.

Осенний танец

А деревья танцуют осенний стриптиз,

Станы стройных стволов обнажают.

Исполняют неспешный свой танец на бис,

Словно осень навек провожают.

Ветер курит костры, как махорку старик.

В клубях дыма кружат пожелтевшие листья.

Этот ветер-старик ко мне в душу проник,

Запалил там костёр из мелодий и смыслов.

И рифмованных строк за клубился дымок,

Превращая печаль мою в пепел.

И дрожит моё сердце, как жалкий листок,

Перед тем, как сорвёт его ветер.

Но земля постепенно оденется в снег,

Будто кто-нибудь плед положил,

А вот душу мою как укутать бы мне,

Ту, что ветер-старик обнажил?

Осеннее

А осень пахнет скошенной травой,
Грибами, ливнями и яблочным вареньем.
Опавшей пахнет прелою листвой,
И свежую строкой стихотворения.

А осень сентябрит в моих глазах
Шафранами, как будто фонарями.
И зажигает в парках и лесах
Калиново-рябиновое пламя.

Раскрасит лес багряно-желтым цветом,
Дыхнёт с тарелки сваренной картошкой.
Очнётся ненадолго бабьим летом,
Чтоб подарить тепла ещё немножко.

Потом опять заохлодит дождями,
Затянет небо хмурой серой тенью.
А осень пахнет ливнями, грибами
Травую скошенной и яблочным вареньем...

Характер

Февральский ветер сбивает с ног,
В лицо швыряется мокрым снегом,
Как будто злится, что одинок
И что подруги для игр нету.

Залепит снегом стекла витрин,
Наденет шапки макушкам елок.
Февральский ветер, как господин -
Холоден, зол и бездушно колок.

Ему подставлю лицо свое:
«Давай хлещи! Ух, суров твой лед!
Но даже если ты с ног собьешь,
Я встану вновь и пойду вперед!

Я тоже шита была не лыком,
Я, как и ты, родилась в феврале!
А значит, даже когда все зыбко,
Могу я твердо стоять на земле!

И ветер стих, перестал шуметь,
За шарфик ласково потрепал,

Как будто тихо сказал он мне:

«А ты февральская? Я не знал...

Ну, значит просто давай дружить,

Вот хочешь, замучу кутерьму -

Поземкой ласковой буду кружить,

Скажи мне только, и я начну»

Февральский ветер метет снега

И людям красит морозом щеки.

Теперь он знает наверняка,

Что в этом мире не одинокий.

Сказки

А если б у сказок другой был конец?

Золушка принцу женою не стала,

Кай не покинул из льда тот дворец,

А значит и Герда его не спасала.

Элиза не стала рубашки для братьев вязать,

Маша осталась бы жить у медведя в доме,
Спящую деву никто не хотел целовать,
Так и лежала б царевна тихонько в коме.

Давайте представим Золушку во дворце:
Карета в полночь в тыкву не превратилась,
Она не потеряла туфельку на крыльце
И принцу ее отыскать не получилось.

Она после бала спешит поскорей домой,
Успеть перебрать пшено и почистить печку.
А через время сосед-лесоруб молодой
Золушке нашей наденет на палец колечко.

И все с лесорубом у Золушки было ах!
Семейное счастье, детишки-красавцы родились.
Но лишь иногда она открывала шкаф,
Где туфли и платье с волшебного бала хранились.

Смотрела на платье и думала: «Дочь подросла
И в этом красивом наряде пойдет под венец»
Какой бы логичной история эта была,
Когда бы влюбился в нее из дворца молодец!

Легко очень в сказке сменить поворот, иль сюжет...

И в жизни возможно, побольше лишь сил приложи.

Да только известен давно этот хитрый секрет:

Другая получится сказка, иная и жизнь!

Люди-судьи, а как вам живется?

Вам корона не давит виски?

Как вам спится, как естся, как пьётся?

А душа не скулит от тоски?

Всё нормально у вас в королевстве?

Пол помыт? А светильник горит?

А у подданных всё ли в порядке?

Может болен кто, или забыт?

А постирано ли ваше платье?

На моём вы заметили грязь...

Как вы спать, люди-судьи, ложитесь?

А умывшись ли, а помолясь?

У меня в королевстве порядок,

(Он у каждого царства свой):

Каша варится, кони пасутся,

И солдаты отправились в бой.

Ох и трудная ваша работа -

Все ошибки других подмечать,

Недостатки искать у кого-то

И с любовью их обличать.

Он говорил ей: «Ты знаешь, я не могу летать!
Мне нужно время, чтоб крылья мои отросли.
Ты полетай там пока в своих небесах,
Я подожду тебя здесь, на краю земли»

Она смеялась, клевала его в светлый лоб
И говорила: «Попробуй взлетать на бегу!»
Он обижался и снова твердил свое:
«Глупая ты, ну сказал же, что не могу!»

Однажды они вдвоем пришли на мост,
Смотрели на город, какая внизу суета.
Он просто показывал ей на людей внизу,
А она взяла и толкнула его с моста.

Он падал и думал: «Сейчас я умру...
Зачем она так? Ведь я же пожить хотел!»
А потом еще одна мысль: «Была - не была!»
Крылья расправил и все-таки полетел!

А она стояла, с надеждой смотрела вниз
На его опасный первый полет
И шептала: «Миленький мой, держись!
Страх полета быстро теперь пройдет»

Он летел и видел: внизу земля!
И взлететь хотелось до самых звезд!
Оглянулся, чтобы найти её,
Но увидел, что пуст этот самый мост...

На шрамы от крыльев набросивши шаль,
Она тихо спустилась на край земли...
И шепнула: «Ты пока полетай там в моих небесах,
А мне нужно время, чтоб крылья мои отросли»

Он меня всё пытается: «Скажи, как стихи возникают?
Где берутся слова, расскажи мне - во сне, на яву?»
Я ему не ответила... Потому что их не сочиняю!
Милый мой человек, ты пойми: я стихами живу!
Я рифмую слова на блокнотах, листках, в телефоне,
На компьютере, чеках и на салфетках в кафе.
Выдыхаю, рыдаю ими, они мчатся, как кони.
Мои демоны с ними несутся - с шашкой наголо и в галифе!
Я стихами чувствую мир, я стихами болею!
Я думаю рифмами, ими шепчет душа моя!
Милый мой человек, по-другому я жить не умею...
Я не сочиняю стихи, потому что стихи - это я!